

Археология религии: культура смерти

Смертная колыбельная. Идея культивации архаических элементов сознания представлена в работе В. В. Савчука «Кровь и культура» [1]. Это смелая, интересная и актуальная идея, несмотря на широко распространенные стереотипы подхода к архаике в целом, страх по отношению к ней и на то, что в нашем гуманном обществе вообще нет адекватного понимания архаики¹. Последнее является показателем оторванности современной «цивилизованной» культуры от архаической – предназначенной для адекватного встраивания человека в мир, а не в городские джунгли. В своей работе В. В. Савчук размышляет о возможном культивировании архаических элементов сознания через рассмотрение одной из форм их проявления – такого «загадочного» феномена, как смертная колыбельная.

Этот феномен «как никакой другой, вызывает споры у фольклористов, этнографов и педагогов по поводу трактовок значения и функций, которые выполняли эти песни» [1, с. 22]. Эти споры очень точно репрезентируют определенную мировоззренческую растерянность: отсутствие понимания архаики и, как один из результатов, не совсем адекватное объяснение феномена смертной колыбельной. Давайте послушаем смертельные колыбельные:

Бай да бай,

Поскорее помирай!

Помри поскорее!

Буде хоронить веселее...²

Бай, бай да люли!

Хошь сегодня помри.

Хоть сегодня умри.

¹ В работе «Кровь и культура» В. В. Савчук делает удачную попытку развести понятия «архаическое» и «архаичное» (с. 6–7). Здесь же, вопреки устоявшимся стереотипам, он пытается показать, что «архаические элементы сознания, которые по инерции часто связывают с дикостью, агрессивностью, кровожадностью и прочими проявлениями неискоренимого зла в человеческой натуре» (с. 8), на самом деле – это знания, умения и навыки, которыми владел архаический человек и которые «уже сегодня могут быть объектом культивирования, как, например: техника психофизиологической саморегуляции, целебные средства древней медицины, способы поддержания экологического гомеостаза, умение праздновать, жертвовать и исполнять табу в повседневности и многое другое» (с. 10), это «первый стихийный опыт постижения человеком мира, первый опыт культурных усилий, первой сознательности» (с. 14). Однако этим определение архаического сознания не ограничивается.

² Савчук В. В. приводит цитату из сборника: Крестьянская лирика / общ. ред. М. Азадовского. – Л., 1935. – С. 124.

*Бай, бай да люли!*³

Нашему цивилизованному сознанию совершенно неуместным и шокирующим кажется объяснение пожелания смерти ребенку, причем не просто пожелания, а приказа умереть⁴. Возможно, такое отношение к ребенку идеологически объясняется тем, что в большой крестьянской семье скотина, которая кормит эту семью, гораздо ценнее ребенка, лишнего рта, но подобные колыбельные песни, которые объединяют людей в «едином пра-океане, едином потоке и ритме дыхания», пелись всем детям вне зависимости от знатности, богатства [1, с. 24]. Следовательно, социальный статус ребенка здесь не важен. Сомнительно также, что в старину смертные колыбельные представляли собой своеобразное средство «демографической политики», то есть играли роль медленной эвтаназии для больного, слабого или лишнего ребенка или испытывали грудного ребенка на живучесть. Не менее сомнительным представляется то, что с помощью смертных колыбельных происходило обучение «всему тому, что окружало ребенка, давалась оценка его поведения, загодя говорилось о тяжелой взрослой жизни, «впечатывалась» программа его будущей деятельности» [1, с. 27]. Мы совершенно не рассматриваем еще одну, абсурдную версию о том, что родившийся ребенок несет в себе некое присутствие иного мира и некоторое время является абсолютно чужим и опасным для матери и окружающих существом, и реальное его рождение как человека этого мира возможно лишь после смерти некоего «чужого» внутри ребенка.

Однако следует согласиться с В. В. Савчуком в том, что нет большей ошибки, чем подходить к явлениям архаического сознания с позиций либо-либо, настаивая на какой-нибудь одной версии, исключая иные. И тем не менее, подобная наиболее правдоподобная и практически исключающая другие версии существует.

Эта версия – заговор. Спасительное слово для нашего сознания при объяснении архаики: смертная колыбельная является заговором. В первом и наиболее, на наш взгляд, нереальном варианте – это заговор против «чужого» в ребенке, его изгнание. Второй вариант более приемлем. «Данные этнологии свидетельствуют о том, что произнесение тех или иных слов, заклинаний и пр. необходимо понимать в противоположном значении, ес-

³ Из этого же источника, – С. 124. Помимо этого, подобного рода колыбельные приводятся по источникам: Шейн, П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. т. 1. Вып. 1. СПб., 1898. – С. 10; Капица, О. И. Детский фольклор: Песни, потешки, дразнилки, сказки и проч. – Л., 1928. – С. 41; Колыбельные песни, записанные в Курганской области / сост. М. Н. Чебыкина. – Курган, 1990. – С. 27.

⁴ В этом отношении интересны работы В. В. Головина. См.: Головин, В. В. Колыбельная песня и заговор // Фольклор и народная культура. In memoriam / Б. Н. Путилов. — СПб., Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 266–278; Головин, В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. – Abo Akademi University Press, 2000. – 451 с. Головин считает, что мотив пожелания смерти имел «постоянную» окказиональную природу и включался в текст сразу же, как только нянька начинала чувствовать любое негативное изменение в ребенке. К примеру, после надрывного крика ребенка нянька может тихим настойчивым голосом приказать ребенку «умри» и несколько раз пропеть смертную колыбельную.

ли они сопровождаются соответствующими знаками, символами, действиями (такими, например, как скрещенные пальцы, дополнительная повязка, вывернутая одежда и т. д.). Таким образом, приговор обращался в оберег, а последний мог быть в результате дополнительных действий или отсутствия таковых средством испытания или приговором» [1, с. 27]. Однако и он не дает всей полноты метадействия смертной колыбельной.

Следует предположить, что в древности была развита целая культура смерти, стоит вспомнить только такие памятники древности, как египетская и тибетская Книги мертвых. В мифологии: умирающий и воскресающий Ра, вернувшийся по частям с помощью своей сестры Исиды «с того света» Осирис, знающие дорогу «туда» Один, Гермес-психопомп, Велес в славянской традиции. Побывавшие в Аиде герои Орфей, Геракл, Тесей. Иван-дурак (царевич) отправляется и возвращается из Кашеева (Пекельного царства), от Бабы Яги. Умер и воскрес Иисус в относительно более позднем, чем языческие верования, христианстве. Архетипичность такого путешествия «туда и обратно» обозначена достаточно отчетливо практически во всех культурах. Да и у нас в речи иногда можно услышать относительно давно отсутствующего человека: «Как с того света вернулся!». Однако, чтобы побывать на «том свете», не обязательно следует реально умереть. Для понимания такой сентенции обратимся к далекой от нас культуре, где понимание смерти до сих пор является атрибутом причастности к определенному социальному статусу.

Муракава Содэн в своем рассказе описал легендарного Ягю Мунэнори (1571-1646), мастера фехтования на мечах. Однажды к Мунэнори пришел один из помощников сёгуна, желающий обучиться искусству фехтования. Мунэнори хватило одного взгляда на него, чтобы заявить, что помощник сёгуна уже прекрасно владеет одной из школ фехтования. На это пришедший ответил мастеру, что он никогда в жизни не обучался фехтованию. Тогда Мунэнори заявил, что помощник сёгуна, должно быть, испытал какое-то прозрение, которое сделало его таким. «Господин, – сказал помощник, – однажды, когда я был еще ребенком, мне довелось услышать, что всё, что необходимо самураю, – это презреть собственную жизнь. Я задумался над этим, и через несколько лет мне стало ясно, в чем смысл. С тех пор я не думаю о смерти. Больше у меня не было никакого прозрения». На это Мунэнори растроганно ответил, что только в этом одном и заключается высшее мастерство фехтования и помощнику сёгуна нет надобности брать в руки меч, потому что он достиг совершенства самостоятельно [2, с. 159-160].

Давайте теперь обратимся к другому человеку, в другой стране, очень далекой от Японии. Сократ, описанный Платоном в диалогах, рассказывающих о его последних днях и минутах перед казнью, – «самурай» древней Греции. Он не мог покинуть этот мир, так как боги не одобряют такого самовольного ухода из этого мира, но считал, что те, кто

подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью, и никто на свете не боится ее меньше, чем эти люди. Достичь чистого знания можно только в Аиде⁵, после смерти расставшись с телом. Это очищение, в результате которого человек постигает всё чистое, т. е. истину, – считает Сократ. А очищение состоит в том, чтобы как можно тщательнее отрешать душу от тела, но как раз это и называется смертью [3], даже близость которой, как издавна считалось, очищает:

«Лейте слёзы, восплачьте плач, к холму горестному принав.

Отвращает могила зло, очищает от скверны добрых». [4]

Уже в другое время и на другом материке индеец из племени яки хоронит своего ученика для того, чтобы тот приобрел силу воина, его настроение, в котором он может контролировать самого себя и быть отрешенным в одно и то же время (К. Кастанеда. Путешествие в Икстлан). Эта практика «закапывания» живого человека в «могилу» послужила основанием для современных практик психотренинга.

На обыденном уровне до сих пор бытует примета, очевидно не придуманная, а взятая из жизни: если кого-то преждевременно «похоронили», посчитав мертвым, а человек преспокойно живет, то он будет жить долго и счастливо. Вероятно, подобные приметы формируются издавна и получают подтверждение во время войн, и это тоже настолько архетипично, что подобная закономерность подмечается людьми, не имеющими к этому знанию никакого отношения⁶

Исходя из этого, можно утверждать, что смертная колыбельная парадоксально закаляет ребенка, которого легче, чем взрослого, заставить символически умереть и воскреснуть. Подобная смерть придает родителям надежды на то, что ребенок, «умерев» однажды (да и не раз), останется живым, здоровым, очистится при таком переходе «туда», в нижний мир, и обратно от порчи и сглаза, которые могут выражаться в его беспрестанном и беспричинном плаче, приобретет жизненную силу (для полноты картины можно добавить штрих: в Древней Руси колыбель раскачивали вертикально, а не горизонтально).

⁵ Следует заметить, что Аид – это «тот свет», царство мертвых, не являющееся аналогом христианского ада. Скорее, при всем его устоявшемся достаточно нелицеприятном и однобоком описании, в нем сочетаются понятия христианских рая и ада. Сократ в диалогах Платона, к примеру, считает, что именно там человек, любящий истину и разум, к ним приобщится. «Сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов» (Федон). Более того, чистая душа умершего удаляется в «места славные, чистые и безвидные – поистине в Аид, к благому и разумному богу» (Федон). А сам Аид (Плутон) – совершенный софист (мудрец) и великий благодетель для тех, кто у него пребывает, коль скоро он посылает им столько благ» (Кратил). А имя Аид едва ли, считает Сократ, «происходит от «невидимый», но гораздо скорее от «ведать все прекрасное» (Кратил). Какой контраст с мертвым и темным «царством теней»!

⁶ К примеру, создателями многосерийного фильма о Великой Отечественной войне «Штрафбат». В самой первой серии этого фильма будущий главный герой фильма попал в плен и был расстрелян. Раненый, он вылез из братской могилы и добрался до своих. Зная и совместив все приведенные нами в этой статье материалы, можно сразу же догадаться, что именно он в последней серии и остался в живых в самой страшной мясорубке, когда погиб весь батальон.

Зарисовки культуры смерти. Для адекватного встраивания в общество и – шире – окружающий мир ребёнок не только усваивает язык, родную мифологию, родную психологию, «родной дух», но также и эту «культуру смерти» как составную часть «родного духа» и составную часть нужного культурного багажа.

Если в самом деле эта «некрокультурная» практика способствовала адекватному встраиванию в мир и в конечном счёте выживанию, то мы должны наблюдать в архаическом обществе не только соответствующие фольклор, литературу, теологию, но и своего рода «психотехническую индустрию смерти», предназначенную для тиражирования и укоренения этого культурно-психологического пласта в индивиде и обществе.

Вспомним, в ведической Индии существовали ритуалы инициации, после которых представители высших каст именовались «дваждырождёнными», Восточное Средиземноморье развивает культы воскресающих и умирающих божеств (Афродита и Адонис, Кибела и Аттис), классическая Греция оттачивает мистериальные практики (например, знаменитые Элевсинские мистерии), где ритуальное умирание-воскресение доведено до религиозного технического совершенства. Возможно, в этом же ряду, точнее в глубине, в начале этого ряда, нужно рассматривать древнейший религиозный культ могил и предков.

Культ предков, мёртвых героев и могил – спутник *человека разумного* на протяжении всей его археологической и письменной истории. К могиле захороненного недавно на Мамаевом кургане знаменитого снайпера В. Зайцева, Героя Советского Союза, убившего несколько сотен врагов, протоптана широкая тропа, и часто можно видеть оставленные людьми жертвы: хлеб с солью, монеты и, конечно же, цветы. За две-три тысячи лет отношение к героям и могилам по существу не изменилось – они также были адресатом жертвоприношений, объектом почитания, темой споров, какому из городов они должны принадлежать, где им находиться, как правильно их почитать [5, с. 192].

Плутарх рассказывает о поисках афинянами по указанию Дельфийского оракула могилы легендарного Тесея, необычных знамениях, позволивших могилу найти, об установленных в честь героя регулярных официальных жертвоприношениях [6, с. 53]. Интерес (на уровне, по сути, высшей мантической инстанции классической эпохи) к останкам героя не случаен. Герой, совершивший подвиги, победно прошедший сражения или победивший на Олимпиаде (в чём видели милость богов и прежде всего Зевса), – могучая поддержка своей земле, своему городу и будущим поколениям своего народа.

Обыденное сознание испуганно и неприязненно относится к ритуалу, в ходе которого, например, по городам возят отдельные части тела умерших религиозных деятелей (так путешествовали по городам России в недавнем прошлом Десница Иоанна Крестителя, Глава Святого Луки). Но ведь действия такого рода наверняка имеют и индивидуально-

психологическое и социально-психологическое значение, иначе они бы просто не существовали столь долгое время. Очевидно, внимательные, укоренённые в религии прихожане могли бы нам рассказать о духовном и социальном, а иногда и ярком физиологическом влиянии этих «некротических артефактов», оставленных выдающимися предками.

Герои, знаменитые при жизни, и после смерти оставляют в судьбе народа неизгладимый и яркий след. Так, воскресший согласно преданию Ромул, явившийся по воскресении римлянину Прокулу Юлию [7, с. 24; 8, с. 82], при жизни был основателем римского государства и наверняка в своём последующем, уже мифорелигиозном, облике стал символом и своего рода «духовным гарантом» длительного римского могущества.

На этом фоне культурно и хронологически близкое нам решительное, и, несмотря ни на что, лицемерное бегство «от смерти в жизнь», предпринятое европейской культурой, есть попытка психологически и «неомифологически» закрыться от вечного факта *смерти*, «неизбежного удела всех людей», по выражению Ксенофонта. Но попытка эта, во-первых, так и не достигла успеха ввиду биологической смертности отдельного человеческого существа, а, во-вторых, увеличила неадекватность индивида в обществе, и общества в окружающем мире, породив в психике индивида абсурдное с архаической точки зрения «подсознание». Стыдливо зашторенное системным самообманом «подсознание», заменившее ясное осознание непреложных фактов *души* и *бытия*.

Список литературы

1. Савчук, В. В. Кровь и культура. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 180 с.
2. Хореев, В. Н. Японский меч: десять веков совершенства / В. Н. Хореев. – Ростов н / Д: Феникс, 2006.
3. Платон. Федон.
4. Эсхил. Жертва у гроба.
5. Зайцев, А.И. Зловредные герои // Греческая религия и мифология. – М. – СПб.: Академия, 2005.
6. Плутарх. Тесей / Жизнеописания. – М.: Правда, 1987, – т. 1.
7. Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. 1-16, – М.: Наука, 1989.
8. Плутарх. Ромул / Жизнеописания. – М.: Правда, 1987, – т. 1.